

Вероника не вернулась домой.

Иван ждал её, но не слишком интенсивно. Не то чтобы он не был рад её видеть: прямо сейчас, наверное, с радостью были проблемы, но он всё равно любил Веронику, и когда она рядом, теплее и спокойнее, чем когда её рядом нет.

Однако она не возвращалась, и он понимал причину.

Где-то в полвторого ночи Иван написал: «Если ты всё же соизволишь вернуться домой, сообщи мне об этом». Интонации резковатые, но Иван был обижен и зол. Вероника прежде уходила на ночь к друзьям; но это было давно, один раз... и тоже не при самых лучших обстоятельствах, о которых комфортнее не вспоминать.

Однако сейчас всё было немного по-другому.

Вероника не ответила. Утром он забеспокоился: она могла обидеться и проигнорировать, это Вероника, её чувства больше её самой, но одновременно с этим она бы всё же ответила. Непонятно, как именно: унижительными извинениями, сухим «хорошо», но ответила бы. Хоть как-то.

К вечеру стало совсем страшно. Так долго Вероника не смогла бы отсутствовать, по крайней мере, без всякой весточки. Если бы она решила оставить Ивана (что пугало, леденило душу до самого основания, захватывая всё прошлое, начиная с детства, но, по крайней мере, было понятно), она бы дала знать. Она не молчит слишком далеко.

Контакта её друзей у Ивана не было, но он был добавлен в то же сообщество, что и они, так что он перешёл по нику к самому очевидному варианту: старинный друг, с которым она очень многое пережила. Существовали ещё и другие, но маловероятно, чтобы она направилась к ним. Впрочем... Но сначала надо проверить наиболее реалистичный.

«Привет. Скажи, пожалуйста, Вероника у вас?»

Друг ответил спустя три часа, в процессе которых Иван сходил с ума. Он уже жалел о вчерашней ссоре; с самого начала жалел, но несильно – слишком многое набралось, слишком многое накипело, было слишком обидно... А ещё – Вероника склонна к большим жестам и могла демонстративно (хотя и неосознанно) привлекать к себе внимание, и это бесило.

«нет»

«типа, она не дома?»

«она вчера сказала, что приедет, но не приехала»

«я подумал, что помирились»

«написал раза три, но мало ли, работает»

«иван, wtf»

Wtf, вот уж действительно.

Следующий час Иван посвятил исступлённому набиранию разных людей в чатах с вопросом, куда могла направиться Вероника. Вряд ли бы она передумала в последний момент, в этом отношении она была обязательная; но мало ли, что могло случиться. Некоторые извинялись, писали, что не живут с ней в одном городе, другие пугались: у Вероники были хорошие друзья. Первый контакт написывал и написывал Ивану с вопросами и критикой:

«она мне ничего не сказала, что там»

«просто спросила: можно приеду»

«ну, пусть, я волнуюсь, ок»

«что у вас там произошло? какого хрена?»

Он не был на стороне Ивана; они дружили с Вероникой значительно дольше, чем познакомились с Иваном, и друг знал её куда лучше и глубже. Никакой ревности: это не были того рода отношения, когда женщина влюблена в старого товарища, а вышла замуж постольку поскольку – точно так же она дружила и с женщинами. К тому же у него была жена, и вряд ли бы что случилось.

Иван об этом не думал. Он думал о другом.

К утру пошёл подавать заявление в полицию. Классика: подождите три дня, тогда примем. Вдруг вернётся. Вдруг загуляла. Вероника могла: у неё сейчас не было денег, но она была склонна к рискованным предприятиям... и у неё куда больше знакомых, чем Иван мог себе представить. Большинство из них даже не состояли в её группе. Запить, а потом куда-то попасть... умереть... да, это могло быть.

Написал семье Вероники: они должны знать о происходящем. Тем более, может, в последний момент поехала к ним? Нет, не к ним, они бы сообщили.

Семья Вероники встрепелась страшно: всё же, какие бы у них ни были сложные отношения, они любили её (и она их тоже). Сестра, решительная, могущественная женщина, побежала давать взятку полиции, а мать не уставала задавать вопрос Ивану:

- Как так вышло? Что у вас там случилось?

Как так вышло? Что у них там случилось?

Ничего. Ссора. Нет, не типовая: такой прежде не бывало.

Но... пары проходят через ссоры. Впрочем, сейчас Иван не был уверен насчёт себя: это было где-то очень глубоко в душе, под виной, под стыдом, под страхом – но оставалось понимание обиды и неправоты всех, кто его окружает.

Вероника не плохая, плохую бы он не полюбил. Не потому что сильно избирательный или лучше своих избранниц: просто его внутренний радар был чутче, чем у остальных. Но Вероника сложная, и в последнее время в особенности. Специфика, которая сопровождала её всю жизнь, наконец ощутилась сполна – а ведь Иван и сам человек не то чтобы комфортабельный для других. Но он старался, подстраивался, а Вероника... Не то чтобы он считал, что она не думала об этом, но комфорт супруга, общие обязанности словно не входили в её фокус. Она за это хваталась, если ей указать, казнилась, страдала, и это делало общение совсем невыносимым: ему не хотелось страдания, ему хотелось взрослой адекватности.

И эта ссора... Он бы и не воспринял её как таковую, если честно. Поорал, подулся, и, возможно, через некоторое время успокоился. Не факт, что сильно, слишком многое накалило.

Но Вероника замолчала; в редкие минуты разговора была ласковой. В какой-то момент он заметил её одетой, она сказала: «Я на пять минут» – а он и не выкупил, что не на пять и совсем не на минут.

Когда она не вернулась ночью, ему немного казалось, что Вероника – как ребёнок, вышедший без шапки из дома ночью холодной. Сейчас... сейчас ему так совсем не казалось.

Он не стал распространяться о глубине и причинах их ссоры (ссоры? Ссора всегда обоюдна, а кричал – вернее, проругался – только он один, с её стороны не было никаких подвижек к этому): Иван просто ввёл в контекст, что у них не всё хорошо. Семья Вероники, в отличие от её друга, на него не обиделись: просто начали уверять, чтобы он извинился по телефону, чтобы они поговорили – нельзя

разводиться, нельзя ругаться, поймите друг друга, и ты её тоже... Он уже писал и звонил, наверное, бесконечное количество раз. Он не идиот. Иван умеет извиняться и знал, что он виноват, пусть и не сто процентами своей души. Если с ней что-то случилось, его извинения ничего не исправят.

Иван сообщил другу, что они несут взятку в полицию. Он сказал «окей», затем добавил «ты мудака», и больше не писал. Ну, в ближайшее время. Не то чтобы неправ – прав, вполне прав.

Он проторчал в доме семьи Вероники почти до самого утра; очевидно, что он не пойдёт на работу в ближайшее время. Под это не дают больничные, но... наверное, он может отпроситься? Иван хороший работник, и ему должны... Мать Вероники решительно сказала «да, надо», и его уговорили отправиться домой – на тот случай, если Вероника всё же вернётся...

Хорошее решение. Важное. Нужное.

Но там Иван будет один, и он просто сойдёт с ума.

Сидя в такси, которое ему заказали (ещё один стыд, семья Вероники очевидно зарабатывала больше, чем он), Иван набрал сообщение узе своему другу, чтобы тот приехал. Потом позвонил. У друга была маниакальная стадия: он не спал, но просто не увидел сообщение от Ивана и испугался. Он с диким стыдом сказал, что сейчас в Рязани, и не может приехать сам, но, как только так сразу... Да, конечно, он именно так и сделает, он хороший человек.

Но сейчас от этого не легче.

Другие друзья находились в сотнях километрах от Москвы, в других странах, и... не то чтобы их было много. Мало. Меньше, чем у Вероники. Днём он им импульсивно писал о ситуации: одни поддерживали, другая твёрдо настаивала, что она сама виновата и заставляет Ивана брать на себя вину, которая к нему вообще-то не относится. Легче, опять-таки, не стало: ни от поддержки, ни от убеждений в неправоте.

Были закрыты магазины, так что он даже не может выпить. А выпить стоило. Очень стоило.

Может быть, обратиться к бесплатному психологу по телефону? Священнику?.. Это две одинаково религиозные мысли, а Иван атеист, но нужно было хоть какое-то лезвие, что прорвало бы узел, абсцесс, выросший изнутри, всё никак и никак не готовый расплескать гной вокруг себя...

- Мужик, ты как? Всё хорошо?

Больше всего Иван ненавидел общаться с таксистами. Лучше вообще с незнакомцами не общаться по возможности, а тут... Тем более сейчас.

- Всё нормально.

- Да я вижу...

- Займись своей работой, пожалуйста!

Последние слова Иван едва не проорал. Хм, нет, проорал. Просто обычно он ругается громче.

Возможно, это напугало Веронику, трепетную к любому шуму.

Таксист отступил назад, но пробубнил, что Иван «больной, блять». Иван услышал это, и...

Да, конечно, навязался на драку.

Впрочем, его не избили. Пара ударов, ощутимых, достаточных, но... это не избиение. Иван стоял на ногах.

Не факт, что в дальнейшем ему удастся пользоваться Яндекс.Такси. Впрочем, надо позвонить в сервис... поставить единицу... написать отзыв... Они обычно встают на стороне клиента, а тут водитель сам перешёл на оскорбление. Спровоцировал драку.

Теперь точно нужно напиться.

Впрочем, кое-что ему помешало бегать под утро под дверьми и умолять о пятидесяти миллилитрах водки.

У подъезда стояла лиса. Иван знал, что они тут водятся: рядом один лес, есть второй, подальше, один кладбищенский, другой большой, глубокий... Иван даже пару раз видел специфическую тень маленького существа, похожего на собаку. Тень деловито чапала в третий парк, где больше мусора.

Но обычно лисы всё же старались не попадаться на глаза людей. Не выходили так открыто – в районе-то, полном собачников.

Иван был готов поклясться, что лиса смотрела на него. Он никогда не был против животных; напротив, страшно любил их. Они не столь давно похоронили с женой кошку... нет, не тогда всё пошло к чертям, немного раньше. Наоборот, спасение кошки на время их сплотило, и Вероника очнулась от своего ленивого забвения и полностью погрузилась в дела. Но потом... Нет, это не было инспирировано кошкой. Это не депрессия по ней. Что-то другое.

Но Иван не очень верил в душу животных. Сознание – да, и то не человеческое, не стоит антропоморфизировать животных.

Но эта лиса смотрела на него – и явно ждала.

Она повернулась и побежала в сторону детской площадки. Остановилась и огляделась. Чёрт, она... звала с собой? Бред какой-то. Но да, очевидно звала.

Он же не пойдёт под утро за лисой? Сейчас всё ещё темно, поздняя осень.

Но нет, пошёл. Не из любопытства даже, а глубокого офигения: за последние дни произошло много странного, и, если он пойдёт погуляет с лисой, вряд ли это скажется на нём хуже, чем рыдания в пустой квартире и самоповреждения рук до мяса.

Лиса побежала в кладбищенский лес.

Он за ней.

Лиса была худой, но с очень пышным хвостом: наела на мусорных харчах. Скорее серенькая, чем рыженькая: вероятно, ещё не успела сменить шубку к зиме. Небольшая, может быть, не взрослая, лисёночек. В темноте не разглядишь ни чёрных чулочков, ни жёлтых глаз, ни тёмненьких ушей; только совсем ненадолго, под светом фонаря у подъезда. Да и там Иван всё же не рассматривал лису по частям, а воспринимал её облик как единое целое.

Они дошли до кладбищенского леса и пошли внутрь, налево, куда обычно Иван не ходил. Там гаражи, там мусор, там куча нерасчищенного пространства со злыми гаражными собаками: если не они покусает, так порежешься об стекло или споткнёшься об покрышку. Любимое место местных наркоманов.

Но вот лиса, за которой стало почти невозможно следить, и лишь городское засвеченное рыжее небо позволяло лучше её разглядеть, остановилась между заросшим бетонным блоком от бывшей армейской базы и подождёнными брошенными ящиками. Она обернула хвостиком лапки и заговорила.

Лиса. Заговорила.

- Тяф-тяф-тяф, – начала она. – Тяф-тяф-тяф, твою жену украл Царь Холмов, тяф-тяф. Ты должен забрать её до Поминовения всех усопших верных, иначе она никогда не увидит белого света! Тяф-тяф-тяф.

Иван смотрел на лису, лисонька с глупым, но абсолютно серьёзным видом смотрела на него. И, честно говоря, содержание её монолога волновало Ивана в меньшей степени – по крайней мере, прямо сейчас. В мире, где есть говорящие лисоньки, наверное, Цари Холмов тоже возможны. Почему нет? Они живут в Москве, похищают чужих жён, и...

- Лисичка-сестричка, – Иван хотел обратиться к ней «лиса-колбаса», но посчитал, что это будет неуважением, – что за ерунда, лисичка-сестричка?

- Ты должен будешь достать распятие и произнести символ веры, когда кавалькада Царя будет проходить мимо, тяф-тяф-тяф. Распятие спрятано...

- Не. – Иван сделал шаг назад. – Лисичка, нет, не продолжай. Пожалуйста, не надо.

Лисичка смешно зафыркала, подбежала к не успевшему отступить Ивану и больно укусила его за лодыжку. Затем посмотрела сердитыми глазками (всё ещё не было видно, жёлтые они или какие) и скрылась, мелькнув хвостиком.

«Ну, теперь у меня будет бешенство», – задумался Иван и нервно рассмеялся. Почему-то стало сильно легче.

Бешенства не было. Впрочем, может быть, оно оставалось не диагностированным, но, судя по тому, что Иван знал об этой болезни, он бы её не пропустил. Иван не пошёл к доктору, хотя всегда панически боялся заразиться, сломать ногу – в общем, так или иначе пострадать. Но сейчас он пострадал гораздо значительнее; и потом, Иван был ленив. А ещё сейчас у него не оставалось сил.

Иван упал спать; проснулся от звонка эйчарки, осипшим голосом объяснил свою ситуацию, привёл всех в ужас, и ему были готовы выделить отпуск на время поисков Вероники. Он был благодарен. Упал спать обратно, но сон... в общем, лучше бы и не было. Сквозь пелену панической дрёмы написал объявление о пропаже жены, разместил везде, где можно: своё крошечное сообщество в телеграме, страницу ВК, отправил в несколько каналов по розыску людей, связался с ботом ЛизыАлерт... Даже сделал макет объявления на улицу и пошёл его распечатывать; но печать была закрыта, до следующей надо было ехать. Он поехал, распечатал. Наступил вечер, уже ничего толком не поклеишь. Позвонила сестра Вероники: взятка занесена, действия начались, но пока ноль информации; а у него?

Ну, лиса-колбаса сказала Ивану, что его жену украл какой-то фэнтези-тип, а так ничего, конечно.

Нет, Иван не стал это озвучивать, просто почти не соврал, что ничего. Его поддержали, сказали не раскисать; может быть, имеет смысл к нему приехать... Нет, спасибо, не надо.

Иван взял где-то четыре литра пива. И водки ещё. Хотя крепкий алкоголь не пил.

За время поездки ему пришло где-то сообщений семь: от ЛизыАлерт, от какой-то сумасшедшей женщины, которая говорила, что видела его жену во сне, от друзей, от случайных людей, готовых донатить на поиски... Люди добрые в основном; хотя Иван не первый день в интернете и просто знал, что где-то под его сообщениями есть тонна комментариев с различными вариациями двух семантических единиц: «куколд» и «бабы шлюхи, скачет на хуе, найди новую». Он их не читал, не был готов.

Надо было искать Веронику, а ещё – хорошенько напиться.

И подумать о лисе. И о том, что надо поискать исследование, в котором большой стресс и переживания вызывают галлюцинации. Наверняка же такое есть.

С ней невозможно было разговаривать на серьёзные темы. Не то чтобы Вероника не относилась к ним легкомысленно, просто она в такие моменты была нефункциональна. Вероника начинала плакать, психовать и переживать, что во всём виновата; и, помимо того, что Иван так не считал, это мешало решать проблему, потому что глазами Вероники проблемой была только она сама. Существует Вероника, и она мешает жить Ивану. А в чём конкретно – не столь важно: главное было убрать главный раздражитель.

Под конец Иван думал, что, может быть, это действительно так. Когда тебе раз от раза повторяют одно и то же, ты хотя бы задумываешься над тем, может ли это быть правдой.

Даже если знаешь, что нет.

Когда Иван пришёл домой, то услышал резкий, повторяющийся, царапающий звук со стороны гостиной. Конечно, он в первую очередь подумал о Веронике, но потом появилась разумная мысль, что, хоть Вероника и странная, она обычно не царапает стены и двери, а, значит, это какой-то вор...

Нет, не вор. Это была кошка на балконе.

Вернее, несколько кошек. Четыре, если быть конкретнее. Три противно мяукали, четвёртая целеустремлённо царапала дверь.

Окно на балконе открыто всегда, но – они живут на девятом этаже. Почему на девятом этаже снаружи вдруг оказалось ЧЕТЫРЕ кошки?

Иван любил животных и страшно заволновался. Он немедленно открыл дверь и приготовился осматривать бедных животных, чтобы проверить, ранены ли они или замёрзли (не май-месяц на дворе), но толстенькие, круглобокие, мягкие кошки деловито вбежали в комнату.

Со стороны коридора в комнату вошло четыре лисы: худенькие, но с блестящей шерстью и пышными хвостами.

А ещё влетели феи. Строго девочки: зеленоватые, небольшие, круглолицые, толстенькие, с прозрачными крылышками, в одежде травяно-земляных оттенков.

И светлячки. Были ли они толстенькими, Иван не мог оценить: на его взгляд, это просто светящиеся, чудесные жуки. Впрочем, круглые.

Гостиная занимала больше пространства, чем спальня, но была заставлена предметами – столом, диваном, креслом, сервантом, шкафом, комодом, стойкой для сушки белья... Так что толпа животных, внезапно оказавшихся в квартире 795, едва ли могла развернуться, а Ивану почти не хватало места, так что он оказался прижатым к балкону.

Кошки и лисы перемешались и выстроились в две линии. Смешно болтающие на неразборчивом языке, вроде симлиша, феи и светлячки заполнили гостиную, никуда не садясь – ни на стены, ни на поверхности. Раздалась музыка – скорее, что-то в барочном стиле, чем народное, но Иван плохо в этом разбирался: может быть, и где-нибудь в Англии или Франции было принято играть нежные мелодии на струнных инструментах с высоким звучанием, вроде лютни или мандолины. Кошки и лисы склонились в поклоне, феи и светлячки разлетелись по сторонам – и между дверью в комнату и дверью на балкон, возле которой стоял Иван, пролёг невидимый коридор, состоящий из пустоты.

В комнату вошла женщина.

О, что это была за женщина! Роскошные рыжие курчавые волосы падали на спину; тяжёлые и пышные, наверняка любой смертной женщине было бы невыносимо их носить, и шея к концу дня просто бы уставала. Это не была смертная женщина: огромные прозрачные крылья никогда не существовавшей бабочки, покрытые золотой пылью, тонко на это намекали. Точёный профиль немного портился сердитым выражением лица, не лишённого, однако, царственного величия. Крупные глаза – зелёные, конечно, зелёные, а обрамляли их плотные камыши тёмных ресниц. Как озеро в лесу. Губы скорее розовые, чем алые, но насыщенного цвета, лишённого пошлости современной женской моды; во всяком случае, они были полными, совершенной формы – не слишком крупные, но заметные на лице, не переносящие на себя акцент с глаз. Нос – длинный, изящный, прямой, не широкий; кожа белая, но не бледная, тоже светящаяся изнутри золотым светом, никогда не знавшая ни морщин, ни прыщей. Гостья была высокого роста, даже чуть выше Ивана – не самого, впрочем, могучего представителя рода человеческого; плечи казались широкими, но только за счёт узости талии, а бёдра... впрочем, под пышной юбкой тёмно-зелёного платья, украшенного золотой вышивкой, можно было только угадывать, какой они формы. Скорее всего, широкие, мягкие, прекрасно-сердцевидные. Толстый бархат зелёного платья скрывал руки под длинным рукавом, обнажал квадратным вырезом грудь, слегка прикрытую золочёной прозрачной тафтой в тон крыльям, спускался вниз длинной юбкой, под которой пряталась другая, нижняя: на жёлтой плотной ткани в складку львы и единороги паслись между растительного орнамента и полностью скрывали ноги. Позади, конечно, тянулся шлейф, всё такой же прозрачный и золочёный, который придерживали летящие феи.

Хорошее решение – уйти из квартиры и пойти в наркологичку или психиатрию; но эта женщина одной уже своей юбкой перегородила коридор и не давала возможности сбежать. За спиной – балкон... но, даже в пику отчаяния (и, по всей видимости, галлюцинаторного бреда), Иван пока ещё не был готов лететь с девятого этажа.

- Здравствуй, Прокофьев Иван Анатольевич, – заговорила женщина. Она странно говорила: вообще обращение по полному паспортному имени необычное решение, но произношение незнакомки выдавало, что ей в принципе некомфортно взаимодействовать с русским языком. Это нельзя даже было назвать акцентом: акцент выдаёт происхождение, а тут человек словно и не привык разговаривать вообще. По крайней мере, на русском языке. – Моё имя Маб. Вы не знаете сейчас, кто я.

- Немного знаю, – промямлил Иван. Вообще-то и правда знал. У Ивана было хорошее гуманитарное образование, а ещё он просто любил читать всякие штуки про фольклор... ну и хорошее фэнтези. И Маб в его культурной памяти просто занимала чуть меньше места, чем имя Титания.

Теперь лисоньки ещё и танцуют. Встали на задние лапки в чёрные чулочках и, кланяясь, принялись танцевать как люди. Выглядит жутковато: лисы всё ещё неспособны стоять прямо, и их корпус слегка наклонялся вперёд, а лапки едва удерживали их тела вертикально.

Кошкам удавалось танцевать чуть проще, и это просто казалось странной нейронкой. Или, может быть, просто Ивану было привычнее видеть дрессированных кошек, чем лис, поэтому странная картина напрягала его значительно меньше.

- Хорошо. Это упрощает задачу.

- Садитесь...

Незнакомка не стала благодарить хозяина дома, а просто приняла его помощь как должное, не меняя раздражённого выражения лица. Она уселась на самый краешек серого-песочного дивана из 90-х, в своё время знатно подранного кошкой, и Иван мог разглядеть носок зелёной туфельки с вышивкой.

- Твоя жена ушла к моему мужу. Его зовут Оберон.

Конечно, его зовут Оберон. Маб, Оберон, и где-то там должен ещё Пак быть.

«Боже, что я сейчас слушаю?»

- Мы разругались с ним... и он решил мне отомстить. Как умеет. Я слышала, что между тобой и твоей женой пролегла вражда; полагаю, это его привлекло. Он любит красивых женщин. – Лицо женщины болезненно скривилось. – Ты хочешь вернуть свою жену, и я дам тебе возможность сделать это.

- Она... ушла к твоему мужу? Не была похищена?

- Какая тебе разница? Я не знаю подробностей. Я знаю, что она у него.

Иван стоял. Хорошо, что рядом была штора, и было, что перебирать; в голове Ивана вдруг появилась мысль, что Вероника была права, и эти шторы слишком синтетические.

Ушла к чужому мужу? Они... были знакомы?

- Меня впечатляет твоё спокойствие, Прокофьев Иван Анатольевич. Я знаю разных мужей; и для большинства уход жены вызывает благородный гнев, а не растерянность.

- Что вы от меня хотите?

- Исполнение мужского долга. Возмездия. Возвращение похищенного. Всего того, что ты сейчас не выказываешь.

- Спасибо большое, это не ваше дело. Договаривайте, что с этого имеете вы, и уходите из моего дома.

Иван легко вскипал, но умел контролировать внешнее выражение этому. Повисить голос? Хорошо. Перейти на личности? Он хорошо это регулировал. Гнев имеет разные выражения, и он может использовать их все – в зависимости от ситуации.

А эта женщина вызывала в нём раздражение.

- Что ж, хорошо. – Лицо гостьи исказило презрение. – Я хочу вернуть своего мужа, и обратилась за помощью к тому, кто в состоянии это сделать – и кто был бы заинтересован в этом так же сильно, как я. Но – ты нашёл другую женщину за это время?

- Нет. И вас это касаться не должно. – Теперь держать штору стало совсем неприятно. – Что я должен сделать?

- Наконец-то мы говорим о должном. – Лицо женщины разгладилось. – Под одним из пней в вашем лесу лежит распятие Брэннока Браунтонского. Не спрашивай, что оно там делает, это тебя не касается. Ты возьмёшь его и придёшь в Тропарёвский парк, в одно очень определённое место, где тебя не будет видно. В Ночь поминовения всех усопших верных мой муж вместе со своей свитой и твоей женой отправится в Страну Холмов: его путь в том числе лежит по дорожкам этого парка. Когда он появится, ты должен прочесть Апостольский символ веры; тогда твоя жена придёт к тебе, и вы должны бежать прочь. Я помогу вам и смогу задержать Оберона, это мне только в радость. Ты понял, что я сказала?

- Да.

- Что же, тогда у тебя мало времени. Мои слуги помогут тебе найти крест...

- Я не пойду.

Женщина приподняла голову. Было ли это удивлением? Шоком? Оторопью? Её эмоция лежала определённо в этом направлении, но какой она была – Ивану оставалось не очень понятным.

Да и какая разница.

- Вот как?

- Если Вероника ушла сама...

- Почему это должно тебя беспокоить?

- Потому что. – Иван твёрдо взглянул на гостью; сейчас ему всё это страшно надоело, и надо было выпроводить её как можно скорее. А затем... неясно, чем заняться. Может быть, протереть пыль в гостиной, поверхности уже покрыты толстым сероватым слоем мусора и эпителия. – Вам, вероятно, эти чувства непонятны, но я вообще-то уважаю её. Уважаю её выбор. Если вы дадите понять, что это недобровольно, её околдовали, похитили – это другая история, я вполне в неё поверю, я читал сказки. Но без этого контекста...

- Ты её не любишь?

Не любишь? Звучит как издевательство – и тем сильнее, что оно, очевидно, не задумывалось таким.

- Люблю.

- Тогда почему ты останавливаешься, как трус? Тебе страшно сталкиваться с моим мужем? Не бойся, я помогу тебе.

- Я не боюсь его. Честно, вы мне страшно надоели.

- Что же. – Женщина встала, и её свита в испуге прижалась к ней. – Я даю тебе два дня. После будет уже поздно.

Она направилась к выходу из комнаты, но на мгновение задержалась и обернулась.

- Я бы не стала возвращаться к мужчине, который бы не был готов за меня воевать.

- А я бы не стал возвращаться к такой женщине, как вы. Убирайтесь уже наконец.

Вот теперь Иван позволил всей своей желчи, своему раздражению, гневу вырваться наружу.

Жаль только что из дома ещё ушли лисоньки и кошки. С ними не так одиноко.

Зато остался запах, а уши ещё чувствовали музыку. Интересно, что и у обоняния, и у слуха общий глагол «слушать», и они оба оставляют след после того, как источник звука или запаха исчез. Сюрреалистическое ощущение, а ведь Иван ещё не пил.

Ну, самое время начать. Пить и рыдать.

В рыданиях Иван не видел ничего зазорного: ему была чужда идея большого маскулинного мира, что мужчина не плачет, а берёт и решает проблемы – имел он эту идею в... общем, в разные места. Он был чувствительный, эмоциональный, а ещё не считал нужным себя контролировать наедине с собой. При других – да, безусловно, хотя получалось не всегда; внутренний стыд прижигал изнутри, что нельзя досаждать другим своей эмоциональностью, и надо просто подождать, когда он будет один... ну или в компании незнакомцев, которым, слава Богу, всегда наплевать, что ты там чувствуешь. Это вообще неважно.

Сейчас он был свободен, наедине с собой. Это развязывало руки: от удара чуть треснула индукционная плита, а кулак моментально стал кровавым; слёзы потекли на пол вместе с растрясшимся в дороге пивом, оставляя следы на одежде; соседи слышали вой, вой, нескончаемый вой и поскуливание... Истерично? Жалко? Сейчас об этом вообще не думалось, а если бы подобная мысль появилась, то ушла бы... куда-нибудь туда. Подальше. Чтобы не маячила рядом.

Его сломала даже не новость о том, что Вероника с каким-то там мужчиной сейчас. Если это не галлюцинация, а это определённо она, в то, что Иван поехал кукухой, сам Иван не сомневался, то – ну, это было ожидаемо. Иван... не то чтобы красивый, если честно. Он легко мог себе представить, как ему можно изменить, это несложно. В общем, если она тоже чувствовала фрустрацию, как и он, это, наверное, даже был бы желательный результат. Конечно, сердце Ивана разбито... но это меньшая из проблем. Во всяком случае, она счастлива, а с остальным можно как-то управиться.

Просто вся эта ситуация идиотская. Может быть, он просто хочет поверить в эту ложь. Наглючил себе говорящих лисиц, танцующих котов и женщин с золотистыми прозрачными крыльями, потому что, если с кем Вероника и должна быть, так это с особенным мужчиной, которых не бывает на этом свете. Ну не с ним же.

Но просто... больно.

Пойти к психиатру – хорошая вещь; а лучше сразу на курс прокапывания. Но не раньше, чем Иван забухает на неделю и окончательно сойдёт с ума; на другое у него просто не хватит сил.

Сильно забухать не получилось. Сутки прошли действительно сумбурно, путано, в них смешались кровь, рыдания, однообразный просмотр на ютубе пупов с понями, музыка Елизарова и что-то ещё, чему не находилось ни слов, ни воспоминаний. Приходили менты; благо, они попали ровно в тот короткий промежуток времени, когда Иван находился во вменяемом состоянии и только собирался пойти за водкой, потому что ауже не хватало. Иван не любил полицию и потому не испытывал стыда, держа их в квартире, пропахшей рвотой и пивом, но они, эти лупоглазые буратины в форме, держали себя адекватно и не слишком ездили по мозгам. Ничем не помогли, но и не мешали.

В том числе после встречи сходить за водкой.

На телефоне – тысяча сообщений, которые Иван не читал. Семья Вероники общалась с ним звонками, а на остальных, в общем-то, наплевать, по крайней мере, сейчас. Они созванивались чаще, чем нужно, грозились приехать, но пока не было возможности, а Иван сам не хотел мотаться туда-сюда и смущать людей своим помятым видом алкоголика. Забавно: пьёт всего один день, а нос уже сизый. Как это работает?

Ну, видимо, как-то.

Он довольно часто думал над тем видением, что пришло к нему в нервическом угаре; не про его реальность-нереальность – дураку понятно, что это психиатрическая история, – но про то, как он дошёл до этой мысли. Думал ли он об измене Вероники раньше? Вообще была ли измена? Или какое-то чувство? Вероника не из тех, кто может изменить... Иван до сих пор верит в искренность её любви. Но иногда отношения разваливаются, и ты сближаешься с другим; понятное дело, что ни с каким королём фей, но всё-таки.

Они не так уж часто проводили вместе время, если уж честно. У них были общие интересы, в противном бы случае не сошлись, но – Иван работал, а у Вероники были встречи с друзьями помимо него. Они вместе сидели дома и смотрели кино; Ивана это устраивало абсолютно, но в какой-то момент и такой досуг ощущался тягостью. Не потому что тянуло к приключениям – о, только не его, но просто... зачем, когда никакой совместной радости не получается?

Зато Вероника пожертвовала своей страстью к приключениям. Она вполне адаптировалась под новый быт, но порой жаловалась, что не хватает чего-то эдакого. Эдакого Иван не любил; благо, Вероника умела договариваться, и они находили компромиссный вариант.

Но – насколько часто ты можешь склоняться к компромиссам? Может быть, они были слишком разные. Может быть, ей нужен кто-то постабильнее и увереннее, а ему – кто-то посамостоятельнее и спокойнее. Они не плохие люди, но им тяжело быть вместе. Бывает такое?

Бывает.

Вполне логично.

Решение пойти в кладбищенский лес с сапёрной лопаткой, которая ещё помнила, как они хоронили кошку (как раз в этом лесу, с ума сойти), не было спонтанным. Ну, наверное. Иван-то внутри себя принял решение, которое в нём зрело весь этот алкогольный забег: не потому что верил, что что-то найдёт – не верил, но из желания заняться хоть чем-то, а не сидеть дома и ждать новостей, пока его не позовут на работу. Он погуглил, кто такой Брэннок Браунтонский; забавно. Странно, что фея в видении апеллировала к святому, хоть бы и католическому; у Ивана сложилось ощущение, что миф о фэйри – это остатки от буйного язычества, а не что-то, связанное с христианством. Хотя есть же феи-крёстные...

Наверное, другие полицейские задержат его как закладочника. Посадят на сколько-то там суток. Обыщат. Сестре Вероники придётся его спасать, а она...

Она не вернётся.

Ну, по крайней мере, он будет хоть чем-то занят.

Кладбищенский лес оказался неожиданно большим; просто самая приличная его часть занимала незначительную долю, тогда как остальная примыкала к складам и была покрыта мусором чуть ли не целиком. Иван и представить себе не мог, как работники местной «Пятёрочки» умудрились засрать столько квадратных метров; даже подумал о том, что субботник надо будет проводить чаще... но сейчас какой смысл, когда он один? С Вероникой было проще...

Без неё вообще нет никакой необходимости выходить из дома.

Пней неожиданно мало; да и что такое тут пни? Никто деревья не рубил, а останки поломанных стволов едва ли можно было так назвать – хотя, на всякий случай, Иван проверял и их. Он задумался над тем, что слушать нарко-трип в принципе было плохой идеей, а ещё – он не запомнил, сколько дней пил, и наверняка опоздал. Ещё сложно копать холодную ноябрьскую землю...

В какой-то момент Иван упал на колени от усталости, убивая светло-голубые джинсы жирной землёй. Продышавшись, он всё же кое-что увидел.

Сверкающие жёлтым лисьи глаза.

Мордочка животного находилась на уровне его головы. Откуда лиса взялась, Иван не имел представления, он её до того не замечал; хотя, может быть, вынырнула из-под крыши. Тут столько мусора – не разберёшься, что где прячется...

Тем более зверк такой небольшой.

Лиса смотрела внимательно, сосредоточенно. По своим прошлым глюкам Иван понимал, что лисы умнее, чем ему представлялось по скудным знаниям в биологии; по крайней мере, *эти* лисы. Лиса-колбаса смотрела на упавшего Ивана в упор, а затем посеменила вглубь, в сторону гаражей. Обернулась: «ну, ты идёшь?»

Ну, что делать. В прошлый раз лиса привела его в место, где между ними мог состояться разговор. Если в этот раз что-то произойдёт...

А, собственно, что должно произойти? Иван пьяный, сейчас ноябрь, он в не очень тёплой куртке. Заблудится, задубеет, простудится. Попадёт под зубы гаражных собак. Хуже ли это, чем потерять любимую? Да нет... Умереть от бешенства – хорошая метафора разорванных отношений.

Ну что ж, ему придётся пойти.

Лисонька, впрочем, долго его не вела. Они ушли от гаражей слегка в сторону, ближе к цивилизной части леса, подошли вплотную к кладбищенскому забору. Лиса остановилась у него и начала копать...

У пня, что практически врос в традиционную бетонную ПО-2.

Затем лиса остановилась и посмотрела на Ивана. Было ли какое-то выражение в её жёлтых глазах? Сложно сказать: эмоции животных непохожи на эмоции людей, а лисы – не собаки и не кошки, которые тысячелетиями адаптировались под своих хозяев. Чёрт её знает, что она там думала...

Но точно приглашала копать дальше.

Сапёрная лопатка в процессе копки отвалилась от ручки, так что пришлось держать её неудобно, натирая руки и режа пальцы. К линиям на ладони добавились глубокие борозды, которые не пройдут дни и дни.

Тем не менее...

Лопатка наткнулась на что-то твёрдое.

Иван перехватил этот предмет. Пальцы упёрлись в сухую землю и никак не могли достать ту вещь, что находилась под нём. Приходилось копать дальше и молиться, чтобы в процессе ничего не поломалось. Перекладываешь землю – перекладываешь землю – перекладываешь землю...

Наконец нечто удалось расшатать. Иван дёрнул руку и прорвался сквозь толщу плотной, сухой земли...

И застыл.

Конечно, это было распятие. Причём Иван прежде таких не видел; он не ходок в церковь, но ему были знакомы золочёные православные кресты. У этого же была резьба; на кресте – Иисус, элегантно висящий со скорбным лицом. Иван с подачи Вероники был на выставке пермского искусства, и этот Иисус походил на глазастых пермских ангелов какого-то там века. Земля испортила его, но, наверное, при должной реставрации это должен быть интереснейший, уникальный крест.

И он у него в руках.

Иван чувствует его. Чувствует грубо обработанное дерево. Чувствует острые уголки перекладин. Может провести от схематично обозначенного, вырезанного прям на теле пресса к складкам накидки...

Осознание ударило под дых. Ивана охватил настоящий ужас, и ему стало трудно дышать.

Бывают реалистичные галлюцинации и сны. У Вероники, с её сложным ментальным здоровьем, таких было много. У Ивана никогда, он для этого слишком скучный.

Но на данном этапе верить, что это всё сон, что это всё видится, что это нереально... ну либо быть дураком, либо отрицать реальность. С первым у Ивана не было никаких проблем, со вторым... мешала самокритика – перманентная проверка реальности, снижение избыточной радости, обращение внимания на вещи, уходящие от взгляда.

Это было реально. И фея Маб, и лисы, и танцующие кошки, и распятие. Он может сколько угодно сидеть пьяным на холодной земле, но реальность от этого никуда не исчезнет.

Вероника исчезла, а реальность нет.

Её... правда похитили? В самом деле? Она могла уйти сама. Могла обидеться на Ивана, прийти к логичному выводу, что им больше не следует быть вместе. Но её могли и похитить, как говорит Маб: феи, кажется, воруют женщин?.. Да, Бриджет Клири, читал на дзене. Тот себе источник, но других у него просто не было...

Что ему делать?

Что ему делать?

Лисонька убежала, а чумазый Иван пошёл домой.

Он проигнорировал закладчиков, пара из которых пыталась отогнать его от мест раскопок – наплевать, он их даже не видел. Проигнорировал первых собачников. Пересёк пустую рыжую дорогу и сразу направился к дому – вон он, ближайший. Кольнула мысль зайти в «Пятёрочку», но нет, ещё не открылись. Часов пять, наверное, как не откроются... Сколько сейчас времени?

Когда Иван поднялся в квартиру, ему пришла в голову идея помыть распятие. Но потом испугался: древесина чувствительна к сырости, а если испортит древнюю реликвию? Вряд ли она будет работать хуже... но всё равно жалко. Может в музей после всего этого отдать...

А после всего этого чего? Погони за Вероникой?

Наверное, Маб права. Настоящий мужчина не будет сомневаться, не будет проводить время за бессмысленными рефлексиями. Он просто берёт и делает.

А Иван если не тратил время на заучивание Апостольского символа веры, то бессмысленно ходил и думал. Очень много думал. Мысли мешали спать, и в итоге он просыпался либо в час дня, либо от звонка кого-либо из родственников – своих или Вероники (чаще Вероники).

А потом снова думал. Иногда даже не ел.

Но, по крайней мере, не пил.

Что с ним такое? Что не так? Почему сомневается? Очевидно, эта женщина хотя бы частично говорит правду, и Вероника, вероятнее всего, действительно у Короля Холмов. Значит, надо было её вернуть. Логично? Логично.

Что его тормозит?

Были ли знакомы Вероника и этот... персонаж раньше? Она почти не выходила из дома. У неё много друзей – да, но со всеми ними Вероника общалась дистанционно. Иногда ездила в гости, но не чаще чем три раза в месяц. Она часто гуляла в парке... может быть, там? Да, скорее всего. Это фейри, им ближе природа. Хотя – какая уж там природа в Тропарёво, с его бесконечными дорожками, лавочками и детскими площадками...

Дело не в том, что он ревновал. Это не его качество, не в этом суть. Он однолюб – да, но обидеться на Веронику... Он знал, что она не из тех, кто БУДЕТ изменять; даже сейчас мысль о знакомстве её с каким-то мужчиной была дикой. Но она могла влюбиться, а это уже другая история. И в таком случае что он может сделать? Да, он вернёт её тело домой, но сердце?..

Или это банальная трусость? Нежелание сталкиваться с проблемой, которая больше него самого, оправдываясь благородством и рациональностью.

Что он точно должен сделать, так это увидеть её. А дальше... пускай будет так, как будет.

Она была влюблена в другого в самом начале их отношений. Но она сказала об этом сравнительно скоро и призналась, что Иван – лучший мужчина в её жизни, и чувства расцвели со временем. Сомневался ли он в её правдивости? Немного и поначалу, но поведение Вероники сочетало ту здоровую степень раздолбайства по отношению к объекту своей любви, что поверить ей было проще. Если бы она пыталась стать идеальной женой – было бы намного хуже. Но нет.

Собственно, в этом и возникла проблема.

Разлюбила ли она его? Обиделась ли страшно на его слова? Нет, она не мстительная, но есть вещи, которые она никогда не прощает. И, может быть, не простит его. Только думать об этом невыносимо, но приходится, от этих мыслей никуда не деться. Иван порой думал, что у него не было причин поступать именно так, как он сделал, однако внутренняя обида говорила, что да, были. Тем более что Вероника не была способна ни на какую корреспонденцию.

Но... возможно, им бы удалось помириться. В это хочется верить, но не верится. Не сейчас.

Хэллоуин прошёл незаметно, в повторении молитвы и бесконечном перепросмотре «Пятницы, 13-го» (всех частей), а, когда наступил день перед Поминовением всех усопших, Иван не пил вообще. Он не был уверен, что вспомнит нужные слова в делирии. Семьи звонили реже, все сидели на нервах и ждали реакции от полиции, на объявления Ивана отзывался мало кто – и он ездил проверять варианты просто потому, что поступить иначе было бы странно и подозрительно. Разумеется, ни разу это не была она. Похожие женщины, но не она.

Но он-то знал, где она должна быть.

В сумраке он вышел из дома, прошёл небольшое расстояние до Тропарёвского парка и зашёл внутрь. Не с основного входа, с той тропинки, что находилась подле уродливого ледового дворца. Уже сразу при входе, на мокрой листве, его поджидала лисичка; та же самая, что он видел? Другая? Кажется, другая, похудее. Она чихнула и посеменила в сторону основного парка. Иван шёл

за ней, до боли сжимая распятие и повторяя молитву... которую, возможно, и не использует.

Сомнения, до того роившиеся, не то чтобы отступили; просто когда уже идёшь за лисичкой по ночному парку, мимо спортивной площадки, со средневековым крестом в руке, уже как-то поздно отступать. Можно отказаться что-то сделать, но не убежать домой; это уже ни к чему.

Будь что будет.

Они перешли мостик, поднялись в более дикий лес и направились к пруду со стороны МКАД. Не дошли до него; как ни странно, они остановились возле дорожки, слева от которой рос огромный дуб. За берёзами, конечно, не особо спрячешься, даже такому худому мужчине, как Ивану... а за дубом – вполне.

Лисичка указала, куда встать, разрыв норку лапками, посмотрела бликующими в темноте глазами на Ивана, сказала – именно сказала – «Тяф-тяф-тяф!» и побежала вглубь леса.

Что ж. Вероятно, они будут рядом.

Интересно, как они среагируют, если Иван не сделает ничего.

Ждать... пришлось. Иван не думал, что это случится быстро, просто чем дольше ждёшь, тем больше возвращаются сомнения. Вдруг королева фей обманула его и решила посмеяться? Вдруг ошиблись дорожкой? Что он вообще тут делает? Как жизнь довела его до этого момента? Что должно было с ним случиться, чтобы он оказался тут? Не пора ли идти домой?

...нет. Именно Веронику он готов ждать до самого утра. Может, дальше. Может, до следующей ночи, если его не арестуют как закладочника, или если он не свалится от усталости.

Нет, он крепкий, когда нужно.

И крепости его хватило. Глаза вообще-то уже сморил сон, предыдущая ночь прошла в повторении молитвы, но...

Сначала раздалась музыка. Колокольчики и струнные. Не скрипки, но что-то другое: такую музыку Иван опознавать не умел. Он был с Вероникой на концертах... но и там вряд ли бы отличил виолу де гамбу от какой-нибудь мандолины. Он ведь даже в музыкалку не ходил: там ведь учат слушать музыку, да?

Потом раздался топот. Не цокот, топот. Шуршание маленьких лапок. Не копыта, пусть даже оленье: непохоже.

Потом свет, который было видно издали. Мягкий, жёлтый. Не автомобиль. Вряд ли он освещает пространство вокруг, но, по крайней мере, даёт ориентир.

И, наконец...

Странная процессия. Иван не очень хорошо её разглядел поначалу: животные в основном тёмные и небольшие. Но, к счастью, колесница двигалась не очень быстро, и за те секунды, что Иван потратил на разглядывание кавалькады, он мог отпугнуть от шока.

Колесницу везли деловито топающие бобры. Почему бобры? Они же не мигрируют, они остаются зимой в лесу. Впрочем, не так важно: в основном колесницу сопровождали птицы, много-много птиц. В основном хищные, хотя, кажется, были ещё дрозды-рябинники (внешне Иван бы их не определил, но

характерное пение, звучащее как сломанный модем, ни с чем не перепутаешь). Ушастые совы, ястребы, соколы – традиционная фауна Тропарёва, которую, однако, Иван никогда не видел. Они несли в лапках горящие веточки, и огонь почему-то не поднимался к их животам и лапкам. Сама колесница зелёно-золотая, с жёлудем в центре, прямо позади толстых поп запряжённых бобров; а вёл её...

Да, это красивый мужчина. Не в традиционном смысле – кудряшки, мощный подбородок, кубики пресса, нет. Невероятно высокий, потрясающе худой, почти прозрачный – идеал внешности Вероники (Иван о нём знал и соответствовал на две четверти; разве что не был высоким). Кожа белее мела, лицо острое, прорезающая тьму; а вот глаза... глаза с нею сливались. И волосы – бесконечной длины, чёрные, наверняка волочащиеся мрачной осенней тьмой за колесницей. Сложно сказать, во что он был одет; несмотря на рост, в темноте, да ещё за стенками колесницами, поди разбери, что у него на ногах; но камзол преисполнен роскоши – зелёный, с едва заметных орнаментов, золотой вышивкой с дубовыми листьями и желудями. Её можно было увидеть, поскольку она светилась в темноте и привлекала больше внимания, чем бледное лицо её обладателя. А ещё – у него корона: тонкая, элегантная, с рыже-зелёными камнями – скорее поделочными, чем драгоценными...

Если Вероника и могла влюбиться, то именно в такого персонажа. Ни в какого больше.

Но где же Вероника?

А вот она, рядом с ним.

Какой контраст! Для Ивана Вероника была самой красивой, но, положив руку на сердце, не то чтобы общество могло быть с ним согласно. Бледная, с лишним весом, мягким подбородком, некрупными глазами, тонкими секущимися волосами... она умела создавать себе интересные образы, в которых выражалась её лёгкая истероидность: акцентные цвета, оверсайз вещи, но не слишком балахонистые... удачное сочетание женственности и расхлябанной уличной мужественности. Однако, стоя в легчайшем золотом платье рядом с человеком восхитительной красоты, было заметно, что она неброская и, в общем-то, обычная. Хотя платье ей шло: обнажало мягкое плечо, декольтировало большую грудь, не превращая образ в пошлый; высокая талия, струящиеся золото-янтарные волны ткани, составленной из осеннего солнца – которого в ноябре не то чтобы много. Её шлейф несли нутрии и водяные полвки...

Но что было с её лицом?

Всё наблюдение продлилось секунд десять, пока Иван не уткнулся глаза в глаза с Вероникой. Там уже стало не до мыслей и не до принятия решений; тело само пошло вперёд, выкинуло руку с распятием, а с губ сорвался заученный монолог. Возможно, не все слова Иван произносил правильно – хотя он достаточно переслушивал записи этой молитвы на ютубе и в музыке в ВК. Гладко, как у священника, у него не получится. На это надо учиться.

Но какая разница.

Сначала боль, тоска, отчаяние. Не смирение, нет. Попытка найти выход. Глаза не бегали, но в тревоге оглядывали местность, как будто не веря, что сейчас она с ней прощается.

Это не глаза счастливой невесты. Иван женат, ему есть с чем сравнивать.

Вероника спрыгнула с колесницы, которая, благо, была стоячей, как древнеримская, и, спотыкаясь об юбки, побежала к нему.

Потом, когда глаза перекрестились, надежда и радость.

Мужчина вскрикнул не по-человечески, но как великая, древняя птица. За ней побежали бобры, а птицы слетелись, чтобы атаковать Ивана. Но сила распятия отгоняла их; вряд ли это благодаря неумелым попыткам отмахиваться древним крестом.

Это не был разговор, нет. Её взгляд не приглашал к диалогу. Это было восклицание: «Наконец!», но не усталое или раздражённое, а обнаружившее спасение.

После такого не думают.

Вероника, преодолевая все те три метра, что разделяли её с супругом, отпихивала мешавших ей, кусающих за ноги и за шлейф ежей. Вообще-то она всегда была очень чуткой к животным, но сейчас...

Интересно, именно эти ежи переносят бешенство?

Из-за деревьев выступила целая армия. Она была бы потешной, если бы Иван за эти дни не привык бы... ко всякому: обряженные в броню коты и лисы с алебардами решительно шли вперёд, прямо на слуг Короля Холмов. Тот не терял времени, выхватил меч, с изяществом спрыгнул на асфальт и решительно устремился к Ивану, пока дорогу ему не преградила королева Маб – вся та же безумно красивая, но теперь в лёгких доспехах с гравировкой. Какие-то звери выступали на груди и спине; вероятно, лисы и коты, кто знает?

Иван рассматривать не хотел. Он подхватил под плечо Веронику и, продолжая читать молитву, бежал в сторону выхода.

Только когда Иван дочитал в который раз символ веры, он обернулся и ринулся вместе с Вероникой к выходу. Она бежала медленнее него, так как была ниже и значительно тяжелее; но у неё сильные ноги, и поэтому она не отставала. Странно, но звуков битвы не слышно; только базарная ругань мужчины и женщины издалека. Хотя, Иван уверен, если бы они остались на поле боя, эта безобразная склока слышалась бы ими как возвышенные, прекраснейшие, изысканные оскорбления...

Но проверять не хотелось.

Они перестали бежать только когда пересекли Востряковское шоссе. И то – Иван бы продолжил ход, но Вероника устала, и её требовалось поддержать.

- Я не думаю, что они пересекут дорогу, – сказала она сквозь тяжёлое дыхание. – Им есть чем заняться.

- Солнышко, – Иван закипал, но от страха и большой любви, а не раздражения. – Мы немедленно идём домой.

Вероника взглянула на неё; у неё появилось слегка затравленное выражение, которое порой прослеживалось на её лице, когда Иван раздражался. Это выражение пугало его, и сейчас... сейчас особенно.

Но он был уверен в том, что говорила.

- Да я не спорю, – наконец буркнула она.

Дома Иван закрыл все двери и ещё бы закрыл окна, если бы Вероника его не убедила, что через верхнюю щель птицы Короля к ним не залетят. Она в свою очередь немедленно принялась раздеваться; её руки дрожали и едва-едва справлялись с корсетом. Иван, конечно, ей помог. Корсет сжимал её достаточно туго, хотя не мешал двигаться, а вот то, что он, в свою очередь, оказался двухслойным, уже стало неприятной проблемой.

- Мне его застёгивали белки, – в истерическом раже Вероника всегда смеялась и находила повод для шутки. – Представляешь, белки ползают по спине и застёгивают на крючки. Господи Боже, такой странный момент...

- Нам, наверное, теперь нельзя будет ходить в лес.

- Наверное. Имело бы смысл.

Сняв платье, Вероника отдышалась, и глубокие вздохи всей грудью немного нормализовали её состояние. Она натянула футболку с «Тайной третьей планеты», не стала натягивать домашние штаны и сказала:

- Я пойду чай поставлю.

- Нет, я.

- Нет, я.

- Точно? Ты уверена? Ты в порядке?

- Чай поставить точно смогу.

Ещё не хватало сейчас спорить.

Заварки оставалось ещё с того момента, как она ушла. Но Вероника решила не экспериментировать с их здоровьем, вылила, насыпала новую, заварила и разлила по коричневым изнутри кружкам. Иван думал, что, как только они увидятся, он не отпустит её, ни за что ни за что не отпустит, но теперь чувствовал себя... странно.

Пристыженно. Растерянно. Влюблённо.

И – ещё вернулась старая обида и непонимание, что после всего этого делать дальше.

- Я не спала с ним и не целовалась – неожиданно заговорила Вероника. – Я вообще хотела уйти. Типа... я подняла совёнка, отнесла в Тропарь, появился этот тип, предложил выпить. Плохая идея, я к Семёну торопилась... но хотелось просто сдохнуть, напиться и сдохнуть. Я не думала, что он меня трахнет: не выглядит так. Но я выпила. Мы поговорили... и он сказал, что влюблён в меня и готов жениться. Ну, здорово, удачи ему, я-то замужем. Он сказал, что ты меня обидел, и нельзя возвращаться к тем, кто причинил такую боль. Я... правда не думала возвращаться, только вещи забрать. Но не к случайному мужику же. А потом я не смогла найти дороги и раз от раза возвращалась к нему...

- То есть тебя похитили.

- Ну да, волшебные тропы, ну ты читал, знаешь. Я поняла, что это такое... и поняла, что, наверное, пить вместе с мужчиной в средневековой одежде...

- Это Возрождение.

- Ась?

- Эпоха Возрождения. Я думаю.

- Хм, ну может. Слушай, а не барокко? Фасон модерново выглядит...

- В любом случае да, ты права, это странно. Почему ты вообще это решила сделать?

- Я сказала, мне было всё равно. Я просто хотела напиться. И к тому же это было приключение. Ты знаешь, я притягиваю странных персонажей.

- Да, притягиваешь.

- Да.

- Да.
- Ну... и всё. Я искала выход, пробовала, но тропы мешали. Странно, я по этому парку столько лет ходила, и тут заблудилась. Каждый раз в одно и то же место. Сколько я отсутствовала?

- Две недели.

- О, Господи... Я... мне жаль...

- Солнышко. – Иван сжал плечо Вероники. – Пожалуйста, не винись. Пожалуйста...

Он внезапно начал плакать. Вероника кинулась его обнимать, и Иван вцепился в неё как опоссум. Да, он тосковал по её объятиям... вообще-то. Ему за эти две недели было не до этого, но сейчас Иван сполна ощутил, что его сумасшествие было связано с тем, что он не мог касаться её, не мог обнять, хотя бы почувствовать её тело на их кровати. Это угнетало, просто не ощущалось как что-то важное – а это было очень, очень важно.

И она обнимала его.

- Прости... Прости меня...

- Я не могу без тебя, не могу... Я...

- Я люблю тебя...

- Пожалуйста, не уходи, пожалуйста...

Иван чувствовал, что это какая-то дешёвая манипуляция. Почти шантаж. Да нет, он и есть; как ещё трактовать «я не могу без тебя»? Тут не может быть двусмысленностей, он просто давит на неё, изображая страдальца, хотя это она была в заточении у волшебного психа.

Остаётся надеяться, что хотя бы лисоньки и ёжики не пострадают от этой семейной ссоры.

- Ты простила меня?

- Да. Да... Не знаю.

Вероника замялась.

- Ну, в смысле. Мне больно, что ты это сделал. Я не понимаю... Я ведь просила тебя...

- Мне тоже было больно. Долгое время. Но это неважно. Я...

- Нам нужен семейный психолог. Как думаешь?

- Да, я думаю, ты права. Но давай утром, пожалуйста. Давай утром.

- Давай в «Пятёрочку» сходим?

- Зачем?! Тебе одного раза не хватило? Я не хочу тебя никуда отпускать.

- Рано или поздно придётся. Но вообще я с тобой хотела.

- Она у парка.

- Да-а-а. Блин. Ладно, утром тогда.

- Утром.

- Утром.

Они замолчали. Это было тягостное молчание. Облегчение после встречи, после победы над буквальным злом портилось от смятения, непрожитой боли и непонимания, что делать дальше.

- Я это платье сожгу.

- Я приму любое твоё решение, но я бы продал.

- Хорошая идея.

- Но поступай как хочешь; я не хочу...

- Или в музей отдать?

- В какой? Как ты его атрибутируешь? Что скажешь, где нашла?

- Ладно, наверное, ты прав. А это что у тебя?

- Вот это точно в музей. Это тринадцатый век.
- Ну нихрена себе!
- Давай сначала позвоним семье, успокоим, скажем, что ты нашлась. Потом спать.

- Да, потом спать.

Они приняли решение утром пойти за пивом и напиться всласть, как Вероника и хотела. И ничего не делать все следующие дни. Вообще ничего. Пока не кончится неделя: тогда бы Ивану хорошо бы выйти на работу, а Веронике...

Придёт ли она когда-нибудь в себя после этого? Переживёт ли страшное приключение?

Сможет ли она его простить?

А он... он разберётся в том, что думает и что чувствует?

Не сейчас. Всё потом.

Сейчас просто выдохнуть и отдохнуть. Они многое пережили, им это и правда надо.